A photograph of a room with a vibrant red wall. On the left, there is a dark, heavy door with a brass handle and a small circular light fixture. A wooden chair is positioned in the foreground on the right. The floor is covered with a striped rug. The overall atmosphere is warm and dramatic.

Мария ОЛЕВСКАЯ
фото Ильи ВАРТАНЯНА

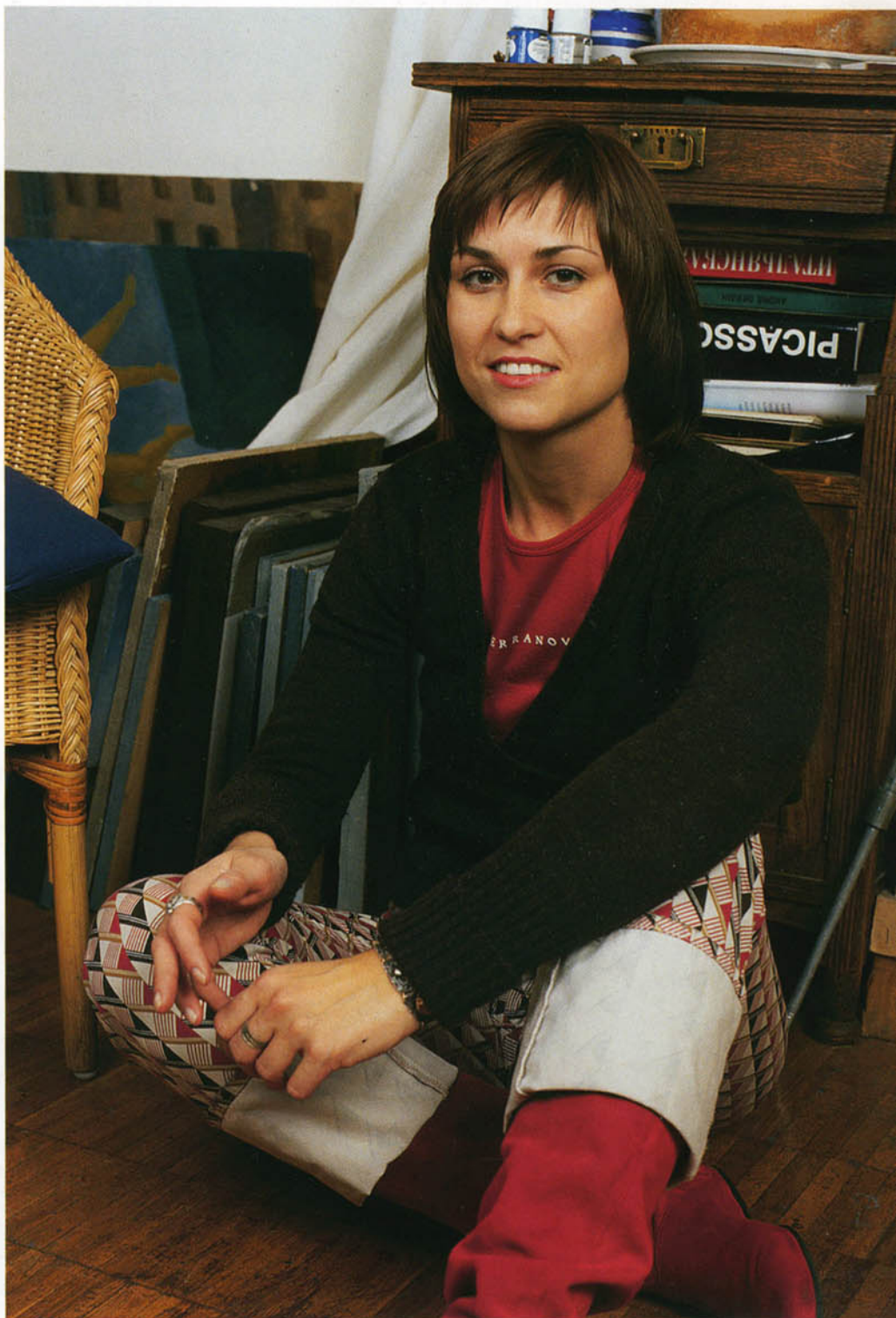
Хорошо «темперированный» клавир

Лада ШАПОВАЛОВА – талантливый художник, арт-директор в крупном сетевом рекламном агентстве и просто умница. Публичным «живописным» дебютом для Лады стал «Арт-Манеж» 2001 года, где ее творчество было представлено отдельным стендом. На «Арт-Москве»-2002 Шаповалова выступила от галереи «Улица О.Г.И.» в более чем достойной компании Александра Бродского и Гора Чахала. В 2003 и 2004 годах ее проекты были представлены на «Арт-Клязьме». В сентябре 2004 года в московской галерее «VP-studio» состоялась персональная выставка Лады «Pillow book», а в октябре-ноябре в «Клубе на Брестской» – еще одна персональная выставка – «Охота на клерка».

Кто такая Лада Шаповалова? Для начала она просто красавица, то есть не просто, конечно. Хотя Лада красавицей себя не считает (безо всякого кокетства) и даже часто досадует на то, что ее внешность отвлекает людей от более существенных вещей. Приходит на память Чарльз Буковски и его «Самая красивая женщина в городе»: «...Красота – пустяк, красота исчезнет, ты и сам не понимаешь, как тебе повезло, что ты некрасив, ведь если ты нравишься людям, ты знаешь, что дело в чем-то другом...»

До смешного доходит. «Представляешь, – негодует Лада, – сидим мы как-то в мастерской у моего знакомого, беседуем, и тут один художник, очень известный, мэтр, можно сказать, в ответ на какую-то мою реплику и говорит: «Барышня, как я погляжу, и в живописи кой-чего понимает». Мой друг ему отвечает, мол, Лада вообще-то сама серьезный живописец. Дядечка смотрит на меня, как на инопланетянку, и удивленно-удивленно говорит: «Так вы что же, свои картины САМИ пишете?»

В 1997 году Лада окончила Московскую государственную академию печати – бывший Полиграфический институт, выпускников которого иногда ласково называют фаворчатами в память о Владимире Фаворском, одном из ориентиров «полиграфа», определившем магистральный стиль института. Первый год после выпуска был годом поисков: «Мне хотелось все: рисовать, сделать книжку от начала до конца, то есть не просто иллюстрации, а весь книжный дизайн, всю типографику; делать офорты, эстампы, заниматься живописью». В 1998 году Лада вступила в МОСХ (секция «Московский эстамп»), участвовала в различных выставках графики и эстампа. Параллельно начала работать в крупном сетевом рекламном агентстве. Сразу же повезло: в работе было больше творчества, чем рутины. Казалось, что каждую мелочь, даже самый маленький

флаерс можно сделать с душой. А теперь, когда Лада стала известна как живописец, на работе к ней относятся еще более внимательно и бережно: ее креативный директор, дабы приблизить задачи Лады к ее любимому делу, убеждает клиентов заказывать ей живопись с использованием корпоративной тематики и цветов. «Ну как мне уйти с работы, где меня так лелеют? И потом, из-за того, что я еще и работаю, живопись для меня – как сладкая конфета: то, что любишь, всегда должно быть в дефиците. Если бы не работа, я бы расслабилась, может быть, писала бы не больше, а ровно столько же, сколько сейчас. Работа меня очень организует».

Первую свою живописную работу написала за неделю до родов. Была зима, Лада безумно боялась упасть, поэтому сидела дома и тосковала по своим офортам. С офортами пришлось временно «завязать»: производство очень вредное, не хотелось травить ребенка. Лада взяла безвредную темперу и буквально за пару дней «родила» своих «беременных тетечек». Потом поехала в роддом и произвела на свет Кита. Почти два с половиной года работала «в стол», а точнее – в угол. Никому даже показывать не хотелось, надо было выговориться, это был дневник, только на холсте. Сознательно

выбрала мелкий формат: важно было заканчивать каждую картинку максимум за два сеанса (потом, на «Арт-Манеже», один известный критик заметил: «Какие маленькие картиночки, а какие монументальные!»). Наконец решилась показать свои работы

Андрею Львовичу Костину. «Боялась ужасно, этот признанный мэтр книжной графики казался мне человеком весьма суровым. А он почему-то сразу же согласился посмотреть мои работы. Я принесла их к нему в мастерскую. Смотрел долго, а потом сказал: «Ну что, Лада, Бог дал – надо отработать». Благословил, в общем».

«Чуден мир, чуден дар» – Ладино кредо, полумолитва-полумантра: «Когда я пишу, я признаюсь миру в любви».

Все ее картины подернуты легкой дымкой печали. При этом сама Лада – жизнерадостная, порхающая! Просто часто ей бывает «так хорошо, что даже грустно»... В закатном солнце улетает шар, облако цепляется за коня и обращает его в Пегаса, маленький мальчик бежит вокруг фонтана с криками: «Мама! Смотри, монтан!», а гуттаперчевые собаки на смешных негнущихся лапах прыгают по белому снегу на фоне желтого сталинского ампира.

«На тридцатом году жизни я вдруг увидела, КАКИЕ облака! Ехала по Садовому, вдруг вижу – облако, плотное такое, осязаемое, зацепилось за башню и приклеилось. Я вдохнула, а выдохнуть не могу, засмотрелась, чуть в машину не врезалась...» Толчком к созданию работы может послужить некий внешний объект, однако для Лады

важнее не его материальные контуры, а собственные ее впечатления и ассоциации, не сюжетный ход, а пластический. Кажется, что конечная ее цель – фиксация своеобразного дежавю, трансвременной и внепространственной реальности, интуитивно пробивающейся сквозь толщи генетической памяти. «У меня есть картинка одна, называется «16:00» (мне Китенка первый раз принесли в роддоме на кормление в 16:00). Две тетечки сидят, кормят, одна – побольше-поближе, вторая – поменьше-подальше, все серое такое, и розовый солнечный блик на стене. Меня спрашивают: «Что ты писала? Преемственность поколений? Непрерывность жизни?» Как художника меня интересовало соотношение нескольких «серых» планов и внезапное возникновение на одном из них розового. И писала я этот самый блик, потому что в нем – все, в нем – полнота жизни, он как символ концентрированного счастья».

Источником вдохновения для Лады служит ее окружение: «Иногда достаточно скрипа качелей, какой-нибудь старой мелодии по радио, и во мне возникает звук, потом внутренняя тишина – и я слышу себя...»

«Чуден мир, чуден дар» – кредо Лады, полумолитва-полумантра: «Когда я пишу, я признаюсь миру в любви».

И в этом смысле новой творческой вехой в Ладиной живописной жизни стал переезд на новую квартиру в районе Елоховки: «Я сразу же влюбилась в это место: здесь рядом Пушкин родился, его дядя жил, а в моей семье – огромная библиотека по пушкинистике, просто культ Пушкина. И потом, старый дом, как у бабушки в Ростове. И как у бабушки – окно в ванной. Я как увидела это окно, сразу поняла: оно, мое, никуда отсюда не уйду!» Осваивая местность, Лада обнаружила рядом с домом полуразрушенный послевоенный стадион с безногими гипсовыми гимнастами и дискоболами и обшарпанными помпезными вазонами. Ладу постиг культурный шок: «Это же итальянский неореализм чистой воды! Антониони! Помните, в одном из его ранних фильмов героиня в сумерках едет на стадион, где она и ее возлюбленный были счастливы!» Из этих впечатлений родился цикл с дезориентирующим названием «Времена года» – странные первочеловеки, в которых несуразность и мощь, флер детства и эпический размах. В этом цикле, где полутонами всплывает эстетика тоталитарных систем с ее любованием физической силой и ловкостью, Лада выступила как живописная Ленни Рифеншталь! Лада отмахивается: «Все равно это – времена года!»

Рассказывая про свою квартиру, Лада и ее муж Денис со смехом предлагают выступить авторами пособия «Как сделать

суперремонт за 500 долларов». Например, эффект венецианской штукатурки в красной прихожей получился благодаря просроченному немецкому акрилу, неравномерно впитавшемуся в свежошпатлеванные стены. Ладину мастерскую планировалось покрасить в зеленый цвет, однако после снятия обоев обнаружилось, что под ними – чудесная теплая терракота, нетронутый со времен постройки дома графический орнамент под потолком и волшебные стеновые шкафы. Стенки шкафа изнутри хозяева покрасили голубым, а стекла проклеили бумажными полосками крест-накрест – полное ощущение послевоенного быта.

Ощущение уютной старины поддерживается и мебелью – от начала XX века до 50–60-х годов: тумбой для телевизора в гостиной служит машинка Singer с ножным приводом, для хранения кисточек и красок Лада с помойки принесла замечательную тумбочку 50-х годов, в которой прежние хозяева хранили пузырьки с зеленой – все полочки в характерных кружочках. «Где бы еще я хранила все мои краски и тряпки? И потом, это роскошный постамент для моего любимого цветка», – говорит хозяйка. В кухне сразу два достойных внимания объекта: покрашенный красной краской буфет середины прошлого века и потолочный светильник (на самом деле это уличный фонарь, подобранный Денисом на школьном дворе).

Особая изюминка квартиры – ванная комната с окном, с кафелем, расписанным хозяйкой, с раковинами, морскими звездами и осьминогами и красным кораблем-ванной, гордо несущим на борту название «Рipipoi» (это младенческая кличка Ладиного сына Кита). Помпейские держатели для мыла и полотенце увидели свет, как это ни странно, на конаковском заводе чугунных изделий (ни за что не подумаешь!). Детская комната имитирует какоту с удобным кроватью-сундуком, полным пиратских сокровищ, и окошком-иллюминатором в двери.

«Я так люблю свой дом! – говорит Лада. – Это не просто – «мой-дом-моя-крепость», это моя мастерская. Я ощущаю здесь дух своего детства, вдохновение. Иногда летаю по комнатам и думаю: как все чудесно. И когда у меня все в порядке, когда ребенок здоров, в голове у меня – только мои картинки!»